

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-115-119

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.131

Дата поступления: 14.01.2021
рецензирования: 22.02.2021
принятия: 26.02.2021

Проблемы использования формальных средств доказывания в российском уголовном процессе

С. В. Мокрушин

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация
E-mail: serge_77@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема необходимости установления объективной истины по уголовному делу в контексте закрепления в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве норм об использовании формальных средств доказывания наряду с доказательствами. Описываются характерные особенности различных видов формальных средств доказывания, раскрывается их значение в российском уголовном процессе, а также выделяются наиболее проблемные вопросы использования формальных средств доказывания для достижения целей уголовного судопроизводства. Автором предложены подходы к решению данной проблемы с позиции достижения разумного баланса использования преимуществ, которые дают формальные средства доказывания, при необходимости минимизировать негативные стороны их применения с учетом современных средств и методов получения доказательств. Обосновывается мысль о необходимости внесения изменений в соответствующую нормативную базу, которые должны устранить существующий в настоящее время приоритет формальных средств доказывания над доказательствами в уголовном процессе.

Ключевые слова: формальные средства доказывания; презумпция; фикция; субституция; преюдиция; уголовный процесс; судебное решение; правосудие; доказательства; доказывание; суд.

Цитирование. Мокрушин С. В. Проблемы использования формальных средств доказывания в российском уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 115–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-115-119>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мокрушин С. В., 2021

Сергей Владимирович Мокрушин – аспирант Кемеровского государственного университета, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Препятствия расследованию уголовных дел, вытекающие из преюдиции судебных актов». Автор 3 научных статей.

Область научных интересов: уголовный процесс, доказывание, формальные средства доказывания, преюдиция.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.01.2021
Revised: 22.02.2021
Accepted: 26.02.2021

Problems of using formal means of proof in Russian criminal proceedings

S. V. Mokrushin

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
E-mail: serge_77@rambler.ru

Abstract: The article deals with the problem of the need to establish the objective truth in a criminal case in the context of consolidation in the criminal and criminal procedure legislation of the norms on the use of formal means of proof along with evidence. The article describes the characteristic features of various types of formal means of proof, reveals their significance in the Russian criminal process, and also highlights the most problematic issues of using formal means of proof to achieve the goals of criminal proceedings. The author suggests approaches to solving this problem from the point of view of achieving a reasonable balance of using the advantages that formal means of proof provide, if necessary, to minimize the negative aspects of their use, taking into account modern means and methods of obtaining evidence. The author substantiates the idea of the need to make changes to the relevant regulatory framework, which should eliminate the existing one at the present time.

Key words: formal means of proof; presumption; fiction; substitute; prejudice; criminal proceedings; court decision; justice; evidence; proof; court.

Citation. Mokrushin S. V. *Problemy ispol'zovaniia formal'nykh sredstv dokazyvaniia v rossiiskom ugovolnom protsesse* [Problems of using formal means of proof in Russian criminal proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 115–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-115-119> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Mokrushin S. V., 2021

Sergey V. Mokrushin – postgraduate student of the Kemerovo State University, 6, Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation.

Subject of the planned Candidate's thesis: «Obstacles to the investigation of criminal cases arising from the prejudice of judicial acts». Author of the 3 scientific works.

Research interests: criminal proceedings, proof, formal means of proof, prejudice.

Одной из целей уголовного судопроизводства является установление истины по рассматриваемому делу. Однако попытка достижения указанной цели в условиях жесткого установления законом формализованных процедур собирания, проверки и оценки доказательств приводит к значительным временным затратам в ходе уголовного судопроизводства, отдалению вынесения приговора от момента совершения преступления, что негативно воспринимается гражданами и приводит к падению авторитета государства [1, с. 186].

В отличие от доказательств, которыми признаются любые сведения, на основе которых устанавливаются конкретные факты и обстоятельства, имеющие значение для правильного расследования и рассмотрения уголовного дела, а также источники этих сведений [2], формальные средства доказывания являются средствами процессуальной оптимизации уголовного судопроизводства, позволяющими сократить его время, а также экономить силы и средства органов уголовной юстиции.

Значение формальных средств доказывания в настоящее время весьма велико. Некоторые из них широко известны и нашли отражение как в законодательстве России, так и в законодательстве других стран (например, презумпция невиновности или преюдиция). Другие же формальные средства доказывания хотя и не имеют такой известности, но, будучи закрепленными в нормах права, оказывают существенное влияние на процесс доказывания. Они устанавливают обстоятельства, которые заведомо невозможно опровергнуть никакими доказательствами по делу (например, в примечании 2 к ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплена фикция раскаяния виновного в невыплате заработной платы, если он в течение двух месяцев после возбуждения уголовного дела выплатил заработную плату и проценты) [3].

К числу наиболее распространенных формальных средств доказывания, по мнению А. В. Смирнова [4], можно отнести:

- презумпции;
- фикции;
- субституции (контаминации и фидуции);
- всеобщие ноторные факты;
- преюдиции.

Данная классификация не является исчерпывающей, а лишь отражает наиболее изученные и нашедшие отражение в законодательных нормах формальные средства доказывания, но в целях данной статьи допустимо взять ее за основу.

Рассмотрим, какие проблемы возникают в уголовном судопроизводстве при использовании формальных средств доказывания для установления объективной истины по делу.

Наименьшие проблемы в достижении истины по делу возникают при использовании презумпций и всеобщих ноторных фактов. Это объясняется самой природой указанных средств доказывания.

Понятие презумпции образовано от латинского слова *praesumptio (praesumo)* – преждевременное пользование, заблаговременное использование, предположение, ожидание, упреждение [5, с. 803]. С. И. Ожеговым презумпция определена как «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное» [6, с. 581]. По своему смыслу презумпции не устанавливают наличие или отсутствие юридических фактов, они лишь распределяют бремя доказывания обратного предполагаемого презумпцией факта между сторонами уголовного процесса, т. е. утверждение презюмируемого факта является истинным лишь до того момента, пока он не опровергнут другими доказательствами. Таким образом, использование презумпций никак не препятствуют установлению истины по делу путем собирания и оценки доказательств, а наоборот, презумпциями признается приоритет доказательственных фактов над фактами, утверждаемыми презумпциями.

Таким же свойством непротиворечивости истине обладают и всеобщие ноторные факты (от лат. *notoria* – заметка, записка, информация) [5, с. 677], надежность которых определяется общераспространенными документами – неопровержимыми письменными доказательствами. К числу таковых относятся различные общераспространенные справочники, таблицы, сборники, содержащие формулы расчета стандартных величин, научно обоснованные закономерности, технические характеристики и другие сведения. По своей сути всеобщие ноторные факты относятся к общераспространенной информации, содержащей специальные познания в готовом к использованию сторонами уголовного процесса виде, и при этом истинность и универсальность всеобщих ноторных фактов доказана научными методами.

Более подробно следует остановиться на других формальных средствах доказывания, использование которых зачастую приводит к проблематичности установления истины по делу, а иногда и препятствует достижению этой главной цели уголовного судопроизводства.

1. Фикции. Юридические фикции являются порождением римского права (*factio legis*). В отличие от презумпций, с помощью которых факт, возможность существования которого определяется с высокой степенью вероятности, юридически принимается за истинный до момента его опровержения, фикции являются юридическим приемом, обеспечивающим признание истинным заведомо несуществующего в реальности факта либо подмену существующего факта несуществующим. При этом

возможность опровержения несуществующего факта, утвержденного юридической фикцией, не допускается. Целью использования юридических фикций является облегчение правоприменения в условиях, когда необходимо распространить действие нормы права на правоотношения, не подпадающие под ее действие в силу реально существующих обстоятельств.

Юридической фикцией, например, является уголовно-правовая норма, установленная ч. 2 ст. 75 и примечанием к ст. 275 УК РФ, об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием «лица, совершившего преступления, предусмотренные статьями 275, 276 и 278 УК РФ, если это лицо добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления» [3]. Из смысла указанных норм следует, что сообщение иностранным гражданином, сотрудничающим с иностранной спецслужбой, правоохранительным органам Российской Федерации о совершении им шпионажа, если это сообщение было добровольным и своевременным, уголовный закон признает достаточным для освобождения этого лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 75 УК РФ указанных действий данного лица, совершившего преступление, явно недостаточно для признания его реально раскаявшимся и переставшим быть общественно опасным. Наиболее вероятным мотивом сообщения иностранным гражданином, сотрудничающим со спецслужбами своего государства, о своей преступной деятельности будет являться страх привлечения к уголовной ответственности в случае разоблачения, а не раскаяние.

Таким образом, юридическая фикция в силу своей природы не может соответствовать цели уголовного судопроизводства, а именно – достижению истины по делу, так как фикция объявляет истинным заведомо несуществующий факт. Использование юридической фикции является вынужденной мерой, обнаруживает несовершенство и противоречивость существующих правовых норм, действие которых необходимо ограничить или, наоборот, расширить в угоду правоприменителю, а также в целях пресловутой процессуальной экономии. Такой способ восполнения пробелов в законодательстве прямо противоречит цели достижения истины по делу, игнорирует эту истину и заменяет ее более удобным фактом.

2. Субституции. Понятие субституции образовано от латинского слова *substitutio* – подстановка, замена, замещение [5, с. 970]. Смирнов А. В. определяет субституцию как юридический прием, с помощью которого в целях оптимизации правоприменения один юридический факт заведомо заменяется другим. При этом в отличие от фикции существует вероятность того, что подставляемый

факт все-таки существует в действительности. Этим свойством субституции схожи с презумпциями, но «в отличие от презумпций не могут быть опровергнуты, так как субституции утверждают в качестве истинного подставляемый факт вне зависимости от того, отражает он объективную реальность или нет» [4].

Субституции делятся на контаминации и фидуции.

Контаминация (от лат. *contaminatio* – соприкосновение, смешение, слияние) [5, с. 249]. Юридическая контаминация, по определению А. В. Смирнова, есть «прием юридической доказательственной техники, когда один юридический факт без каких-либо конкретных доказательств замещается другим, смежным, но более удобным для целей правоприменения фактом» [4]. Наглядным примером контаминации является уголовно-правовая норма, установленная примечанием 1 к статье 205.1 УК РФ. В целях установления ответственности за финансирование терроризма указанная норма признает терроризмом «организацию, подготовку или совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ» [3]. При этом в соответствии со ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» под терроризмом понимаются «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [7]. Факт организации, подготовки или совершения лицом любого из преступлений, указанных в примечании 1 к статье 205.1 УК РФ, не исключает приверженности этого лица идеологии и практики терроризма (наоборот, это предположение имеет высокую вероятность существования), но с юридической точки зрения эти факты не являются равнозначными.

Другой вид субституций – это фидуции (от лат. *fiducia* – уверенность, надежность) [5, с. 426]. Данный юридический прием основан на принятии определенного обстоятельства в качестве истинного, хотя оно остается лишь вероятным. Фидуцией, например, является постановление приговора по ходатайству подсудимого без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением. В этом случае суд не проводит исследования и оценки доказательств, собранных по уголовному делу, а как бы принимает на веру факт совершения подсудимым вменяемого ему преступления, опираясь на его согласие.

Указанный вид фидуции в настоящее время активно применяется органами следствия (при этом необходимо отметить, что правовая возможность его применения в связи с внесенными в 2020 году в УПК РФ изменениями [8] значительно сокращена). Процедура вынесения приговора в особом порядке судебного разбирательства при согласии

обвиняемого с предъявленным обвинением и обеспечение в рамках данной процедуры достижения истины по делу является дискуссионным вопросом. Так, И. В. Овсянников читает, что такая форма рассмотрения уголовного дела имеет право на существование, если закрепить в УПК РФ в явном виде обязанность судьи исследовать относящиеся к обвинению доказательства в ходе судебного рассмотрения дела [9, с. 146].

Тем не менее обвинительный приговор, постановленный в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, имеет черты сделки между сторонами процесса, в которой устраняется главный спор между ними, а именно – о виновности обвиняемого. Приговор суда в этом случае зачастую лишь закрепляет отсутствие спора по поводу виновности подсудимого без исследования доказательств в открытом судебном заседании. Но истинность данного вывода суда не является доказанной, так как обвиняемый мог оговорить себя по различным мотивам.

Само по себе использование фидуции вины подсудимого в совершенном преступлении в связи с его согласием с предъявленным обвинением влечет отступление от общего порядка судебного разбирательства, которое может повлиять на объективность установленных в приговоре обстоятельств. Так, при особом порядке судебного разбирательства ограничивается предмет доказывания, из которого исключаются событие преступления (время, место, способ совершения), виновность подсудимого и форма его вины. Кроме того, такое судебное рассмотрение проходит в условиях отсутствия исследования доказательств, на которых основано обвинение, так как таковые исследуются судом вне рамок судебного заседания (фактически – при предании суду).

Таким образом, субституции в целях удобства правоприменения замещают истинный факт вероятным. Но в действительности вероятный факт на то и вероятный, что существует возможность его ложности. При этом правоприменитель, используя установленные законом субституции, игнорирует гипотезу о ложности устанавливаемого факта, опирается на установленный субституцией факт в доказывании как на истинный, делает выводы на основе такого вероятного факта и принимает юридически значимые решения. Закрепление субституций в законодательстве говорит об изначальном браке в работе законодателя, который «не заметил» и принял норму, допускающую правоприменителю возможность оперировать вероятностными фактами. Использование субституций не способствует достижению цели установления объективной истины, а лишь позволяет стороне обвинения избегать необходимости доказывать сложные факты, строить обвинение на вероятных фактах, сокращать время и материальные издержки уголовного процесса.

3. Преюдиции. Понятие преюдиции образовано от латинского слова *praecedens* – относящийся к предыдущему судебному решению [5, с. 796]. Под преюдицией в настоящее время понимается обязательность принятия фактов и обстоятельств, ранее установленных вступившим в законную силу решением одного суда любым другим судом, а также прокурором, следователем, дознавателем и иными участниками правоотношений.

Примером преюдиции можно считать норму, содержащуюся в статье 205.5 УК РФ, согласно которой уголовно наказуемым деянием является «организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, и участие в такой организации» [3]. При этом Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Признание организации террористической и запрет ее деятельности на территории Российской Федерации осуществляется по решению суда» [10]. Следовательно, вступившее в законную силу решение суда о признании организации террористической является преюдициальным и по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 205.5 УК РФ, принимается в качестве истинного.

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать вывод, что использование таких формальных средств доказывания, как фикции, контаминации и преюдиции, не всегда способствует установлению истины по делу, а неоспоримость устанавливаемых указанными средствами доказывания фактов и вовсе препятствует достижению объективной истины в случае, когда эти факты ей противоречат.

Таким образом, использование в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве норм, устанавливающих фикции, контаминации и преюдиции в качестве непроверяемых средств доказывания, можно считать своего рода браком законодательства, перешедшим к нам из римского права. Но ведь со времен Римской империи социальные отношения и технический прогресс ушли далеко вперед. На современном этапе органы уголовной юстиции государства, используя достижения науки и техники, могут оперировать большим объемом фактических сведений, формируя полное доказательственное обеспечение процесса доказывания, чем и должно гарантироваться установление объективной истины в каждом конкретном деле.

Сокращение практики использования проблемных формальных средств доказывания вместо доказательств и внесение изменений в законодательные нормы, устанавливающие безусловный приоритет формальных средств доказывания над доказательствами (например, статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), является тем направлением дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства в России, которое позволит в будущем приблизиться к достижению его принципов и назначения.

Библиографический список

1. Мокрушин С. В. Использование современных цифровых технологий для поиска преюдициальных судебных актов как фактор сокращения срока уголовного судопроизводства // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы VI Московского юридического форума XVI Международной науч.-практ. конф. Ч. 3. Москва: Проспект, 2019.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249.
3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 (ст. 1–96). № 113; 19 (ст. 97–200). № 114; 20 (ст. 201–265). № 115; 25 (ст. 266–360) июня. № 118. URL: <https://rg.ru/2007/11/12/ukrf-dok.html>.
4. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 240 с. URL: <https://znanium.com/read?id=343681>.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва, 1976. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/dvoreckij_i_kh_latinsko_russkij_slovar/23-1-0-1908.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1989. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html>.
7. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта. № 48. URL: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html>.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 20.07.2020. № 224-ФЗ // Российская газета от 24 июля 2020 г. № 162. URL: <https://rg.ru/2020/07/24/poryadok-dok.html>.
9. Овсянников И. В. Формализация процесса доказывания при особом порядке судебного разбирательства // Юридическая истина в уголовном процессе: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2018. С. 146–152. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36661652&pf=1>.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля. № 35. URL: <https://rg.ru/2012/02/17/terrorizm-dok.html>.

References

1. Mokrushin S. V. *Ispol'zovanie sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii dlia poiska preiuditsial'nykh sudebnykh aktov kak faktor sokrashcheniia sroka ugolovnogo sudoproizvodstva* [The use of modern digital technologies to search for pre-trial judicial acts as a factor in reducing the duration of criminal proceedings], in *Rossiiskaia pravovaia sistema v usloviakh chetvertoi promyshlennoi revoliutsii: materialy VI Moskovskogo iuridicheskogo foruma XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian legal system in the context of the fourth industrial revolution: proceedings of the VI Moscow Legal Forum of the XVI International research and practical conference]. Part 3. Moscow: Prospekt, 2019 [in Russian].
2. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RF ot 18.12.2001 № 174-FZ* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 № 174-FZ]. *Rossiiskaia gazeta*, 22.12.2001, no. 249. Available at: <https://rg.ru/2001/12/22/upk-dok.html> [in Russian].
3. *Ugolovnyi kodeks RF ot 13.06.1996 g. № 63-FZ* [Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ]. *Rossiiskaia gazeta*. 1996. 18 (Articles 1–96), no. 113; 19 (Articles 97–200), no. 114; 20 (Articles 201–265), no. 115; 25 (Articles 266–360) June, no. 118. Available at: <https://rg.ru/2007/11/12/ukrf-dok.html> [in Russian].
4. Smirnov A. V. *Formal'nye sredstva dokazyvaniia v ugolovnom prave i protsesse: monografiia* [Formal means of proof in criminal law and procedure: monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018, 240 p. Available at: <https://znanium.com/read?id=343681> [in Russian].
5. Dvoretckiy I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, 1976. Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/dvoreckij_i_kh_latinsko_russkij_slovar/23-1-0-1908 [in Russian].
6. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1989. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html> [in Russian].
7. *Federal'nyi zakon «O protivodeistvii terrorizmu» ot 06.03.2006 № 35-FZ* [Federal Law «Concerning the Combating of Terrorism» dated 06.03.2006 № 35-FZ]. *Rossiiskaia gazeta*, 2006, 10.03, no. 48. Available at: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> [in Russian].
8. *Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v stat'i 314 i 316 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» ot 20.07.2020 № 224-FZ* [Federal Law «On Amendments Being Made to Articles 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 20.07.2020 № 224-FZ]. *Rossiiskaia gazeta*, 24.07.2020, no. 162. Available at: <https://rg.ru/2020/07/24/poryadok-dok.html> [in Russian].
9. Ovsyannikov I. V. *Formalizatsiia protsesa dokazyvaniia pri osobom poriadke sudebnogo razbiratel'stva* [Formalization of the process of proof at a special order of proceedings]. In: *Iuridicheskaiia istina v ugolovnom protsesse: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Legal truth in criminal proceedings: materials of the All-Russian research and practical conference]. Saint Petersburg, 2018, pp. 146–152. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36661652&pf=1> [in Russian].
11. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9 fevralia 2012 g. № 1 «O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugolovnym delam o prestupleniiakh terroristicheskoi napravlenosti»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 № 1 «On some issues of judicial practice in criminal cases on terrorist crimes»]. *Rossiiskaia gazeta*, 17.02.2012, no. 35. Available at: <https://rg.ru/2012/02/17/terrorizm-dok.html> [in Russian].